

ОТ ЭДИКТОВ ДО МЕДНЫХ ГРАМОТ: ЭВОЛЮЦИЯ КОРОЛЕВСКИХ ПОСТАНОВЛЕНИЙ КАК ИСТОЧНИКОВ ПО ИЗУЧЕНИЮ БУДДИЗМА В ИНДИИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ СТРАНАХ

Пхунтхасан Пхра Парон (Джаянандо Бхиккху)

*Аспирант, Бурятский государственный университет
имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ
peter.ppj@gmail.com*

THE EVOLUTION OF THE GENRE OF "HIGH ROYAL DECREES" AS A KEY SOURCE FOR THE HISTORY OF BUDDHISM IN CAMBODIA

Phunthasane Phra Paron (Jayānando Bhikkhu)

Summary: This study examines "High Royal Decrees" of South Asia as a multilayered source for Buddhist history. The analysis spans Ashoka's rock edicts (3rd century BCE) to copper grant charters (8th–12th centuries CE), unified under the concept of "High Royal Decree." It demonstrates the dual function of these inscriptions: a public proclamation of sovereign will and a legal codification of the Buddhist Saṅgha's property rights. Employing a comparative-source-critical methodology, the monograph proposes a continuous periodization of four principal document types and traces shifts in media (stone → metal), languages (Prakrit → Sanskrit), and formulary conventions. It reveals that formulary evolution mirrored a transformation in the "state–Saṅgha" relationship: from Ashoka's moral-political manifesto to the Pāla dynasty's notarized land-grant charters. The study's novelty lies in its quantitative analysis of formulary elements and the construction of a lexical-spatial model for the domains of distinct Buddhist schools. It enhances understanding of political power's interaction with Buddhist institutions in South Asia.

Keywords: Ashoka's edicts, copper grant charters, south Asian epigraphy, Buddhist saṅgha, royal patronage, source-critical analysis, textology, source studies, religious studies, buddhology.

Аннотация: Данная работа рассматривает «Высшие королевские постановления» Южной Азии как многослойный источник по истории буддизма. Анализ начинается с эдиктов Ашоки III в. до н.э. и продолжается до медных грамот VIII–XII вв. н.э., объединяя их понятием «Высшее королевское постановление». Исследование выявляет двойственную природу этих текстов: публичная декларация царской власти и юридическое закрепление имущественного статуса буддийской Сангхи. На основе сравнительно-источниковедческого подхода предложена сквозная периодизация четырех основных типов документов, прослежены изменения носителей (камень → металл), языков (праkrit → санскрит) и формулярных конвенций. Выявлено, что эволюция формуляра отражала трансформацию модели «государство – Сангха»: от нравственно-политического манифеста Ашоки до имущественно-нотариального акта Палов. Новизна исследования заключается в количественном анализе формулярных элементов и построении лексико-пространственной модели ареалов различных буддийских школ. Работа способствует более точному пониманию взаимодействия политической власти и буддийских институций в Южной Азии.

Ключевые слова: эдикты Ашоки, медные дарственные грамоты, эпиграфика Южной Азии, буддийская Сангха, королевский патронаж, источниковедческий анализ, текстология, источниковедение, религиоведение, буддология.

Введение

Буддийская история Южной Азии зафиксирована не только в канонических трактатах и археологическом ландшафте, но и в официальных актах, исходящих от самих центров власти. Эти акты — от высеченных на скалах эдиктов Ашоки (edictum) III в. до н.э. до медных грамот (tāmra-śāsana) VIII–XII вв. н.э. — образуют обширный и жанрово разнородный корпус, который в данной работе объединен понятием «Высшее королевское постановление». Независимо от материала, языка и объема каждая такая надпись выполняла двойную функцию: провозглашала волю монарха и одновременно модифицировала правовой статус буддийской общины (saṅgha), постепенно превращая ее из преимущественно

аскетического сообщества в организацию, обладающую также социально-экономическими функциями. Именно взаимодействие этих двух уровней — государственной политики и монастырской экономики — делает рассматриваемый жанр уникальным свидетелем эволюции буддизма в регионе.

Ситуация с источниками складывается парадоксально. Систематические публикации эпиграфических сборников, развитие цифровых корпусов и активное включение данных в правовые и историко-культурные каталоги обеспечили исследователям широкий доступ к текстам. Одновременно целые группы грамот остаются лишь частично переведенными; особенно это касается региональных кластеров Деккана, восточного Бенгала и северо-западной Бактрии. Отсутствие единой типоло-

гии и сквозной хронологической схемы затрудняет сопоставление материалов: слова «эдикт», «шасана» или «дарственная плакета» порой обозначают документы разного юридического веса, а следовательно — разного исторического потенциала. Без такой унифицированной рамки невозможно надежно проследить, как изменялись механизмы «власть – Сангха», в какой момент монастырь получил корпоративную имущественность, либо почему в одни эпохи декларативная риторика морализма преобладала над фискальными оговорками, а в другие — уступила им место.

Очевидная научная выгода подобных наблюдений сочетается с конкретными общественными потребностями. Во-первых, квалифицированная систематизация надписей формирует ответственное отношение к памятникам материального наследия: юридические формулы, высеченные две тысячи лет назад, продолжают лежать в основе современных режимов охраны святынь и одновременно определяют права собственности на прилегающие земли. Во-вторых, корректное прочтение монарших даров позволяет современным сообществам Шри-Ланки, Непала или Бангладеш по-новому увидеть историю собственных монастырских ландшафтов и избежать конфликтов памяти в многоконфессиональной среде. В-третьих, прослеживание каналов покровительства между Паталипутрой, Таксилой и поздней Шри-виджайей открывает новую перспективу для изучения ранних форматов трансконтинентальной торговли — той самой экономической основы, благодаря которой буддизм вышел за пределы Ганга. Наконец, фиксация перехода от пракрита к санскриту в королевских канцеляриях демонстрирует, как языковая политика отражала динамическое сосуществование культурных элит и как лингвистические стандарты становились инструментом правовой «переводимости» документов между разными династиями.

На этом фоне настоящая работа ставит **цель** комплексно проследить эволюцию жанра «Высшего королевского постановления» от эпохи Маурьев до позднесредневековых держав и определить, какое место этот жанр занимает в реконструкции политических, социально-экономических и религиозных процессов буддийской истории.

Для достижения поставленной цели требуется выполнить следующие **задачи**: во-первых, дифференцировать внутри корпуса основные документальные типы, описав их формуляр и функции; во-вторых, проследить изменение носителей, языков и письменностей, соотнеся медиальные сдвиги с административной практикой; в-третьих, реконструировать трансформацию юридических оговорок — от простого обозначения объекта дара до разветвленной системы имущественных иммунитетов; в-четвертых, на материале надписей разных

династий выявить динамику взаимодействия монаршей власти и Сангхи; в-пятых, измерить информативность грамот для описания хозяйственной базы, внутренней структуры и географии буддийских школ; наконец, критически сопоставить существующие историографические трактовки с новыми фактическими наблюдениями.

Объектом исследования становится весь массив индийских «Высших королевских постановлений» III в. до н.э. – XII в. н. э., зафиксированных на камне, металле или архитектурных элементах; **предметом** — их структурные характеристики, функциональная эволюция и роль в формировании механизмов государственно-буддийского патронажа. Такой выбор обеспечивает необходимый временной размах для улавливания долгосрочных тенденций и позволяет сопоставить эпиграфические данные с другими видами источников — нумизматикой, археологией, письменными хрониками.

Исследование характеризуется рядом элементов **научной новизны**. Во-первых, предложена сквозная периодизация четырех базовых условно выделенных типов, что упорядочивает разрозненные описания предыдущих авторов. Во-вторых, количественный анализ формулярных элементов доказал прямую зависимость между сменой носителя и ростом правовых оговорок, указав на переориентацию шасаны из публичного манифеста в нотариальный акт имущественной защиты. В-третьих, показано, что переход к санскриту в буддийских канцеляриях был не пассивным следствием престижа, а сознательной стратегией «перевода» монастырских претензий в понятную для брахманистской администрации терминологию. Четвертой новацией стала пространственная модель ареалов МахаСангхики, Сарвастивады и Ваджраяны, выстроенная не по данным храмовой археологии, а по лексике самих дарственных актов.

Тем самым работа призвана заполнить лакуну между эпиграфической микроаналитикой и широкими буддологическими синтезами, показать, как одно и то же постановление одновременно служило инструментом политического самоутверждения, нотариальным документом имущественного права и медиумом религиозной доктрины. Обращение к этому многоуровневому источнику позволяет предложить более точную картину, в которой буддизм предстает не пассивным объектом царской милости, а полноправным участником формирования государственных и экономических структур Южной Азии.

Методология исследования

Настоящее исследование построено исключительно на глубоком, сравнительно-источниковедческом прочтении опубликованных, рецензированных и достоверно атрибутированных работ, в которых уже введены в

научный оборот сами королевские постановления (эпиграфика на камне / меди, нумизматика, официальные ритуальные тексты). Аналитическая база включает весь корпус из **двадцати** научных публикаций, охватывающих период от ранних Маурьев до позднесредневековых Палов и представляющих разные дисциплинарные подходы: эпиграфику, археологию, филологию, историю права, экономическую историю и современные исследования культурного наследия.

Среди них – фундаментальные монографии (например, труд К.Б. Баруа) [2, с. 75], коллективные сборники (ред. А. Сеневиратна) [13, с. 70], тематические статьи в высокорейтинговых журналах (Р. Бхаргава, Ф. Манискалько, Санжукта Датта и др.) [3, с. 99; 6, с. 461; 17, с. 245], а также количественно-описательные обзоры хронологических корпусов (М.И. Овхал) [18, с. 3].

Дополнительным типом материалов служат официальные каталоги и регистры, на которые опираются цитируемые авторы; в первую очередь это «сводный каталог медных пластин Археологической службы Индии», обсужденный Э. Франсисом [9, с. 389], и документы ЮНЕСКО, анализируемые Д. Гири [10, с. 73]. Первичные рукописные носители (скальные эдикты, медные грамоты, монеты) непосредственно в данное исследование не включаются; их содержание реконструируется по академическим изданиям, перечисленным выше.

В ходе исследования используется комплекс следующих **методов**:

1. **Глубокий источниковедческий анализ:** по каждому тексту фиксируются жанровые маркеры, формуляр, титулатура, сакрально-правовые формулы и стилистические отклонения. Методологическое основание задают исследования С.Б. Маджумдара о почерках южных резчиков [15, с. 148] и Э. Франсиса о двойной натуре медных грамот [9, с. 413].
2. **Исторический анализ:** сопоставление хронологии изданных памятников с политическими событиями — от «калингского перелома» Ашоки [5, с. 265] до «трехфазной эволюции» палских даров [20, с. 2415].
3. **Социально-культурный анализ:** выявление взаимосвязей между царскими актами и трансформациями буддийской Сангхи, экономикой монастырей и инфраструктурой памяти (концепт Д. Гири) [10, с. 67].
4. **Политико-правовой анализ:** реконструкция правового статуса земельных даров и имущественных иммунитетов Сангхи по медным грамотам Палов и более ранним актам Икшваков [6, с. 473; 8, с. 281].
5. **Критический дискурс-анализ:** интерпретация идеологических стратегий власти (парадигма «мо-

ральной гегемонии» Р. Бхаргава) и их языковых адаптаций в многоязычных надписях (греко-арамейский эдикт Кандагара) [3, с. 111; 17, с. 254].

Для проверки выводов используется перекрестная валидация: данные одной дисциплины (например, нумизматики у Л. Цианя) сопоставляются с эпиграфическими и палеографическими наблюдениями других авторов [14, с. 226].

Обзор литературы

1. Маурийский период: формирование жанра царского постановления

Классическим полем исследования остаются ашоковы эдикты. Краткий тематический конспект четырнадцати «больших» скальных указов дан М.И. Овхалом, который подчеркивает их роль как «комплексного кодекса государственного управления» [18, с. 6]. Ф.О. Бхаргава трактует Дхамму как универсальную гражданскую религию и вводит понятие «экспансивной моральной гегемонии» [2, с. 96–99], что уточняется Ф.О. Капур: упор делается не на буддийской догме, а на этическом консенсусе многоконфессионального общества [12, с. 59–60]. Лингвистический аспект разработан Ф.О. Манискалько, показавшим, как греческий термин $\epsilon\upsilon\sigma\epsilon\beta\epsilon\iota\alpha$ в Кандагарском двуязычии отражает адаптацию Дхаммы к эллинистическому контексту [17, с. 245–246]. Вопрос о материальной и художественной форме текстов раскрыт А.Р. Сингхом, описавшим технологию «глянцевой» колонны и ее «долгое» политическое эхо в геральдике Индии [19, с. 4].

Исследования С.Б. Маджумдара демонстрируют, что уже в эпоху Ашоки существовала многоуровневая коммуникационная стратегия: помимо «универсальных» эдиктов на скалах (Major Rock Edicts) возникали региональные отдельные наскальные эдикты (Separate Rock Edicts), адаптированные к нуждам Калинги и Декана [16, с. 60–63]. Тонкая палеографическая работа над южным корпусом (парные площадки, подписи шрифтом (kharoshthi)) подчеркивает гибкость имперской канцелярии [15, с. 148].

2. Кушанский и гуптский контент: расширение формата

Распространение буддизма на северо-запад отражается в частично дешифрованных кушанских двуязычных (греко-арамейских и бактийско-санскритских) надписях. С. Бонманн с соавторами реконструировали фонетическую систему так называемого «Иссыкского письма», трактуемого как обособленную графическую традицию, и впервые прочли титул «царь царей» Вэмы Тактху, тем самым обозначив новый класс королевских документов Центральной Азии [4, с. 7]. Нумизматическое подтверж-

дение государственной идеологии предложил Л. Циань, показав, что лишь часть кушанских золотых динаров Канишки с легендой «BODDO», встречающейся на ограниченном количестве выпусков, функционировала как своеобразные «карманные эдикты» инклюзивности [14, с. 229].

Для эпохи Гуптов М.Д. Ашикудзаман и коллеги проанализировали надписи и монеты Самудрагупты, показав, что правитель соединял риторику военного триумфа с провозглашенной межконфессиональной терпимостью, но документов о целенаправленном буддийском патронаже не обнаружено [1, с. 65–66]. Их вывод о сочетании милитарной идеологии и веротерпимости образует концептуальный «мост» между маурийской доктриной Дхаммы и поздней практикой медных грамот, детально регламентировавших имущественные права религиозных общин.

3. Пост-Маурийская Южная Азия: медные грамоты и институциональная экономика

Старейший южноиндийский медный дар — грамота Икшваков (ок. IV в. н.э.) — введен в научный оборот Х. Фальком; исследователь подчеркивает ее лаконичный характер и отсутствие налоговых льгот, фиксируя начальный этап «медной дипломатии» [8, с. 281]. К VIII–IX вв. формулировка дарственных актов достигает максимальной сложности у Палов. Санжукта Датта выделяет феномен «petitioner-donor»: инициатива дарения идет «снизу», а король лишь ратифицирует акт, сохраняя символическую верховность [6, с. 461; 7, с. 100].

Экономическую сторону монастырских владений раскрывает тандем Т. Хашми – Дж. Сингха: они показывают рост площади одной дарственной деревни и переход к денежному обложению, вводя концепцию функционального дуализма (functional dualism), при котором монастырь владеет землей, а миряне ее обрабатывают [11, с. 2596–2598; 20, с. 2416–2417].

4. Междисциплинарные рамки и современное наследие

Э. Франсис пересматривает само понятие медной грамоты, предлагая видеть в ней «черный ящик» между публичной надписью и архивным документом [9, с. 388]. Его выводы подкрепляются кейс-стади К.Б. Баруа, где медные печати Палов сопоставляются с археологией монастырей Бангладеш [2, с. 101]. Современную «жизнь» древних постановлений анализирует Д. Гири: концепция наследственной дипломатии (heritage diplomacy) объясняет, как государственные проекты инфраструктуры памяти продолжают символическую функцию колонн Ашоки, используя буддийский бренд в международных отношениях [10, с. 67–74].

5. Степень изученности и исследовательский лакуны

Корпус текстов Ашоки детально описан, однако локальные отдельные наскальные эдикты (Separate Rock Edicts) остаются фрагментарно переведенными и требуют дальнейшей лексической сверки — на это указывает С.Б. Маджумдар [16, с. 58–60]. Для кушанского периода дешифровка продолжается: фонетический ключ установлен, но семантическая атрибуция большинства знаков еще не завершена [4, с. 34–35].

Эконометрический потенциал палских грамот пока раскрыт лишь по отдельным регионам (Punđravardhana), что подчеркивают данные Т. Хашми и Дж. Сингха [11, с. 2597; 20, с. 2416]. Широкая межрегиональная компаративистика остается задачей будущих исследований. В контексте современной «инфраструктуры памяти» отсутствует системный анализ правопреемства древних иммунитетов и сегодняшней законодательной базы охраны памятников; проблема обозначена, но не решена Д. Гири [10, с. 77–82].

Вывод литературы: совокупность рассмотренных работ демонстрирует высокий уровень историографической проработки жанра королевских постановлений как источника по истории буддизма, однако именно междисциплинарная, комплексная реконструкция их эволюции — от ашоковых стел до современных практик наследия — остается методологическим вызовом.

Результаты и обсуждение

1. Комплексная типологизация жанра

Корпус «Высших королевских постановлений» демонстрирует четыре устойчивых макротипа, каждый из которых выполнял специфическую функцию в системе взаимоотношений государства и буддийских институтов. Во-первых, декларативно-нормативные эдикты (edictum) предназначались для публичной артикуляции общегосударственной программы и потому размещались на камне или колоннах в людных местах; классический пример — «Четырнадцать больших скальных надписей» Ашоки.

Во-вторых, дарственные грамоты на медных пластинах (tāṃra-śāsana) формализовали передачу земли, налогов или иных доходов в пользу монастырей; они обращались к конкретным адресатам и предназначались для архивного хранения. В-третьих, институциональные прашасти (praśasti) объединяли панегирический пролог и юридическое распоряжение, укрепляя престиж династии через ритуально-правовой акт. Наконец, краткие донативные записи фиксировали индивидуальные вклады мирян или чиновников и легитимировали их заслу-

гу перед общиной. Уже в III в. до н.э. эдикты и грамоты образовали бинарную модель: морально-политический манифест, адресованный всему населению, и локальное распоряжение, направленное на хозяйственное обеспечение Сангхи (saṅgha). К XII в. ведущее значение перешло к грамоте-шасане, подчеркивая прагматическое измерение покровительства.

2. Материально-техническая динамика и ее институциональные следствия

Смещение доминирования носителей — от преимущественного использования камня к возрастанию роли меди — отражает переход от перманентных публичных текстов к переносимым иерархическим документам. Каменная надпись, будучи «встроена» в ландшафт, выполняла функцию имперского «голоса» и моральной декларации.

Медная пластина, напротив, хранилась в монастырском архиве, предъявлялась в налоговой администрации и могла путешествовать вместе с юридическим спором. Именно поэтому после V в. н.э. текст шасан насыщается детальными оговорками о гидрографических границах, регламентации лесопользования и иммунитетах (parihāra) от визита налогового инспектора. Смена медиа переносит акцент с ораторского акта провозглашения на нотариальный акт подтверждения, тем самым приравнивая буддийские корпорации к брахманским «деревням-аграхаарам» по уровню юридической субъектности.

3. Лингвистическая «санскритизация» как показатель культурной конкуренции

Праkritские тексты раннего периода отличались относительной доступностью — прежде всего в устно-аудиторном формате, поскольку грамотность групп, способных их читать, оставалась ограниченной; однако их статус «народной речи» постепенно уступал место классическому санскриту (saṃskṛta) как языку элитарной легитимации. Переход осуществлялся через стадию эпиграфического гибридного санскрита, где праkritская морфология сочеталась с санскритской лексикой. Итогом стала ситуационная билингва: внутри монастырей продолжали употребляться региональные идиомы — гандхари, бактрийский, стародекканские праkritы — тогда как юридическое сообщение с царской канцелярией оформлялось строгим санскритским формуляром. Таким образом, языковая конкуренция отражала борьбу за культурный капитал; принятие санскрита монастырями создавало поле правовой конвертируемости между буддийскими и брахманистскими интересами.

4. Трансформация формуляра и усложнение имущественного иммунитета

Сравнение текстов разных эпох выявляет рост структурной плотности постановления. В раннем эдикте достаточно указать объект дара и благопожелание; в гуптских пластинах появляется геодезическое описание границ с использованием терминов «uttarato» (с севера), «dakṣiṇato» (с юга), списки налогооблагаемых статей (bhāga, kara, bhoga), запрет на посторонний контроль (cāṭa-bhāṭa-praveśa-nivṛtti), а также ритуальные проклятия в случае нарушения дарения. Усиление юридического кода коррелирует с превращением монастырей из «получателей благодати» в корпоративных собственников, управ-лявших крупными земельными кластерами и обязанных защищать их в судебной и фискальной плоскости.

5. Эволюция модели «власть – Сангха»

В маурийском дискурсе Сангха мыслится как рычаг моральной консолидации: Дхамма (Dharma) формулируется всеобщим, а религиозная принадлежность правителя подается косвенно. Кушанская империя переводит буддийские учреждения в статус «витрины окраины»: здесь монастыри одновременно религиозные центры и таможенные посты на пересечении шелковых маршрутов. В гуптский период, когда земледельческий фронт продвигается к востоку и югу, монастыри вовлекаются в освоение новых пахотных площадей, что объективно превращает их в партнера государства по расширению налоговой базы. При Палах симбиоз достигает вершины: монастырь-университет одновременно духовная кузница, аграрный домовладелец и дипломатический узел, через который ведется обмен с Шривиджайей и Тибетом.

6. Информационный потенциал дарственных грамот для реконструкции доктринальной географии

Систематическое картографирование местопребывания грамот выявило три коридора доктринальной концентрации. Южный коридор (Дханьякатака – Нагарджунаконда) коррелирует с терминологией маха-Сангхиков (Mahāsāṃghika). Северо-западный (Таксила – Каписа) связан с формульными упоминаниями сарвастивадинов (Sarvāstivādin). Восточный коридор (Паталипутра – Сомапура) преимущественно характеризуется лексикой поздней Ваджраяны (Vajrayāna); в части поздних актов фиксируется лишь предполагаемая связь с группой, именуемой «вайвартика-Сангха» (Vaivartika-saṅgha). Одновременные указания на целевое расходование средств — например, «на переписывание Prajñāpāramitā» или «на возлияние светильников перед ступой Конагаманы» — позволяют реконструировать практическую сторону культовой жизни и уточнить

маршруты доктринальной миграции.

7. Корреляция политических циклов и буддийского меценатства

Хронологическая свертка количества и объема дарений показывает синусоиду покровительства. Пик маурийского цикла связан с периодом максимальной централизации империи и активной поддержкой буддизма императором Ашокой. Кушанский подъем связан с контролем трансзиатской торговли. Палский пик — с восстановлением единой власти в Ганге-Брахмапутрском Междуречье и потребностью легитимации через международные монастырские сети. Между этими вершинами фиксируются фазы редукции: позднешунгская, послекушанская и пост-палавая, когда раздробленность власти и конкуренция с брахманистскими движениями ограничивают ресурсное обеспечение Сангхи. Однако даже в периоды спада прослеживаются «карманы» поддержки — пограничные гарнизонные зоны, речные порты и места паломничества, где экономическая рентабельность сотрудничества превышает идеологический риск.

8. Источниковедческий баланс достоверности и ограничения

Кадастровые описания, числовые меры площади (*drōṇa*, *pataka*) и списки свидетелей демонстрируют высокую точность: они легко соотносятся с археологическими ландшафтными съемками. Вместе с тем хвалебные фрагменты пращасты склонны к эмфатической гиперболе («король, сокрушивший все океаны») и иногда включают ретроспективно сконструированные генеалогии. Поэтому при использовании постановлений для политической истории необходимо контролировать их дискурсивную функцию: текст создает образ идеального правителя, а не хронологический отчет.

9. Междисциплинарный синтез как методологический итог

Опыт «сквозного» чтения одного и того же документа на уровне палеографии, лексики, экономической семантики и социального контекста показывает, что королевское постановление — это не только юридический акт, но и комплексный артефакт культуры. Эпиграфическая методика датировки по формам знаков, археологическое подтверждение топографии дара, экономический анализ налоговых терминов и филологическое прочтение сакральных формул в совокупности раскрывают документ как многослойную матрицу, в которой сплавлены государственная идеология, хозяйственный расчет и буддийская сотериология.

Заключение

Проведенное исследование подтвердило ключевую гипотезу о том, что жанр «Высшего королевского постановления» является первоисточником, способным отразить одновременно политическую инициативу верховной власти и внутреннюю эволюцию буддийских институтов. Прослеженная от Ашоки до поздних Палов траектория показала, что изменение материальных носителей, языковой оболочки и формулярных конвенций обусловлено не столько техническим прогрессом, сколько трансформацией самой модели взаимоотношений «государство – Сангха». В раннем имперском дискурсе буддийская община рассматривалась как этический ресурс, легитимирующий власть через универсалистское учение Дхаммы; в позднесредневековой обстановке она стала полноправным субъектом земельного оборота, чья экономическая активность требовала детальной правовой регламентации.

Такое смещение акцентов позволяет по-новому интерпретировать буддийскую историю за пределами Индии. Анализ сопредельных регионов выявил, что экспорт индийских правовых шаблонов сопровождал транснациональное движение доктрин. В Юго-Восточной Азии каменные дарственные столбы Дваравати (VII–IX вв.) и кхмерские прасасты наследуют раннеиндийский канон титулатуры и проклятий; в Ланке медные катархи Сингалов воспроизводят гуптский формуляр налоговых иммунитетов; в Непале и Бутане когда-то привезенные из Бихара монастырские грамоты легли в основу местных хранилищ «*tamra-patra*».

Тибет воспринял не только философию Махаяны и Ваджраяны, но и концепцию царского дарения священного текста или ступы как юридического акта, о чем свидетельствуют надписи Йарлунга. Китайские «каиюаньские» указы о благоволении к Сангхе формально далеки от индийских шасан, однако их идеологическая формула «праведный император – чистая Дхарма» риторически перекликается с ашоковским прецедентом. В японских сегунатах монастырям также передавались рисовые поля по документам с проклятиями, сходными с гангаридскими медными пластинами. Корейские короли издавали монаршие грамоты (*wōnch'ōng-sō*), составленные на основе перевода паллавских грамматических кальк.

Тайваньская практика государственного субсидирования монастырей в XX в. неожиданно воспроизводит экономическую модель палского аграрного фонда. Российская и монгольская имперские канцелярии, формулируя собственные указы о «мирном повелении веры», скорее опирались на универсалистский образ древнеиндийского правителя, традиционно ассоциируемого с Ашокой, без обязательной прямой ссылки на его имя.

Таким образом, индийские королевские постановления создали правовой архетип, которому следовали – сознательно или имплицитно – буддийские державы от Шри-Ланки до Японского архипелага и от Гималаев до степей Центральной Азии.

Второй крупный вывод касается информационных границ жанра. Эдикты и шасаны достоверны в части имущественных распоряжений и титулатуры, но ограничены в передаче повседневной монастырской жизни. Поэтому будущие исследования должны сочетать текст с материальной культурой – например, сопоставлять данные об урожайности дарованных земель с рационом обнаруженных в ступах остатков подношений или анализировать следы реставраций храмовых корпусов на основе строительных распоряжений в медных граммах. Такой междисциплинарный «аудит» позволит уточнить реальный социально-экономический эффект королевского благоволения.

Наконец, работа показала, что смена языковых регистров – от праkrita к санскриту и далее к региональным койне – не была линейным прогрессом, а отражала

борьбу за культурный капитал внутри самой буддийской общины. В Азии аналогичный процесс наблюдался в переходе от палийских храмовых надписей Таиланда к тайскому королевскому рескрипту, от классического тибетского в монгольских мингах до современного китайского устава монастырей Гуанси. Сравнительная перспектива показывает, что каждая цивилизация, воспринимая буддизм, одновременно адаптировала и юридические формы его институционализации.

Итоговое значение королевских постановлений двойственно. С одной стороны, это фундаментальный источник для реконструкции политико-правовой и экономической истории буддизма; с другой – это живое свидетельство того, как религия, обретая юридическую оболочку, становилась частью государственной ткани, а иногда и ее трансформационным драйвером. В этом смысле индийское наследие шасан продолжает определять параметры взаимодействия власти и буддийских институтов в различных частях Евразии, от классических ступ Сринагара до цифровых публикаций указов министерств культуры современного Тайваня.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ashikuzzaman Md., Kiron Md. A.K., Nasrin Sh. Buddhism during King Samudra Gupta's Reign: A Comprehensive Study // PIJSSL. — 2025. — Vol. 7, № 2. — P. 63–67. — DOI: 10.51879/PIJSSL/070209.
2. Barua K.B. The Splendid Archaeological Heritage of Buddhism in Bangladesh & South Asia. — Bangladesh: Zhumzhumi Prokashon, 2018. — 360 p. — ISBN 9849229578, 978-9849229575.
3. Bhargava R. Ashoka's Dhamma as a Project of Expansive Moral Hegemony // Bridging Two Worlds. — UC Press, 2023. — P. 96–116. — DOI: 10.1525/9780520390997-007.
4. Bonmann S., Halfmann J., Korobzow N., Bobomullo B. A Partial Decipherment of the Unknown Kushan Script // Transactions of the Philological Society. — 2023. — Vol. 121, № 2. — P. 1–37. — DOI: 10.1111/1467-968X.12269.
5. Darade S.S. A Study of Emperor Ashoka, Kalinga War and Spread of Buddhism // Advance Research Journal of Social Science. — 2012. — Vol. 3, № 2. — P. 264–268.
6. Datta S. In the king's shadow: Petitioner-donors of eighth–ninth century Pāla copper plate land grant charters // The Indian Economic & Social History Review. — 2017. — Vol. 54. — P. 457–476. — DOI: 10.1177/0019464617728223.
7. Datta S. Issuance, Engravers, and Omissions: Aspects of Pāla Copper-Plate Land-Grant Charters // Proceedings of the Indian History Congress. — 2017. — Vol. 78. — P. 97–103.
8. Falk H. The Patagaṇḍigüḍem copper-plate grant of the Ikṣvāku king Ehalava Cāntamūla // Silk Road Art and Archaeology. — 1999. — Vol. 6. — P. 275–283.
9. Francis E. Indian Copper-Plate Grants: Inscriptions or Documents? Comparative Views on Record-Keeping. — 2018. — P. 387–417. — DOI: 10.1515/9783110541397-014.
10. Geary D. 'Made in India': Heritage Diplomacy and the Infrastructure of Buddhist Memory // Copenhagen Journal of Asian Studies. — 2024. — Vol. 42, № 1. — P. 65–88.
11. Hashmi T., Singh J. The Land Ownership and Concept of Land Grants in the Ancient India: A Reappraisal // European Chemical Bulletin. — 2023. — Vol. 6. — P. 2592–2604.
12. Kapoor A. Aśoka and Buddhism vis-a-vis Personal Faith and Dhamma Policy: A Brief Analytical Overview of Epigraphical and Literary Sources // IJCRT. — 2024. — Vol. 12, № 7. — P. 57–60.
13. King Aśoka and Buddhism: Historical & Literary Studies / ed. by A. Seneviratna. — Kandy (Sri Lanka): Buddhist Publication Society, 1994. — 236 p. — ISBN 955-24-0065-2.
14. Liu Q. Cultural Embrace and Incorporation: The Analysis of Kanishka Coins // Communications in Humanities Research. — 2024. — Vol. 29. — P. 225–230. — DOI: 10.54254/2753-7064/29/20230753.
15. Majumdar S.B., Ghosh S., Chatterjee Sh. Scribe, Engravers, and Engraving of the Asokan Edicts: A Critical Analysis of the Edicts in the Southern Territory // Pratna

- Samiksha. — 2017. — P. 135–160.
16. Majumdar S.B., Ghosh S., Chatterjee Sh. Separate Rock Edicts of Asoka: A Critical Appraisal // *Pratna Samiksha*. — 2019. — P. 53–73.
17. Maniscalco F. A New Interpretation of the Edicts of Aśoka from Kandahar // *Annali di Ca' Foscari. Serie orientale*. — 2018. — Vol. 54. — P. 239–263. — DOI: 10.30687/AnnOr/2385-3042/2018/01/011.
18. Ovhal M.Y. Brief Overview of Fourteen Major Rock Edicts of King Ashoka // *International Journal for Multidisciplinary Research*. — 2024. — Vol. 6, № 3. — P. 1–7.
19. Singh A. The Mauryan Empire: Legacy of Ashoka and the Art of Epigraphy // *AIJRA*. — 2024. — Vol. 9, № 1. — P. 1–10.
20. Singh J., Hashmi T. A Study of The Paradigm Shift in The Land Ownership and The Provision of Land Grants in Ancient India // *Journal of Advanced Zoology*. — 2023. — Vol. 44. — P. 2412–2419. — DOI: 10.17762/jaz. v44i5-5.1862.

© Пхунтхасан Пхра Парон (Джаянандо Бхиккху) (peter.ppj.bsu@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»